



ПРЕДЫСТОРИЯ ВЕНГРОВ и венгеро-пермская проблема



Одним из интереснейших вопросов хунгаристики является венгеро-пермская проблема. Нет необходимости перечислять длинный список литературы, посвященной предыстории венгров, тем более, что проблема истории протovenгров на Урале имеет внушительную историографию, которая проанализована в книге Б. Овчинниковой и Г. Дьёни¹. В данном исследовании в центре внимания вопрос о присутствии венгров и родственных им групп населения в Прикамье, а также об их взаимодействии с пермянами, булгарами и буртасами.

Традиционно прародину венгров отождествляют с Волго-Уральским регионом. Предположение венгерского ученого И. Зимоньи о *Magna Hungaria** и уграх в Прикамье поддержал ряд русских исследователей (Н. Крыласова, В. Иванов, А. Белавин). В связи с интерпретацией отдельных черт материальной культуры и этнической принадлежности отдельных археологических культур в 2011-2012 гг. развивается дискуссия между Н. Крыласовой и И. Пастушенко. Н. Крыласова считала носителей неволинской, ломо-

ватовской и ломовской культур уграми и ставила вопрос об угорской эпохе в Прикамье. И. Пастушенко же относил их к финно-пермским народам и придерживался этой традиционной для исследователей из Удмуртской Республики точки зрения².

Дискуссия получила продолжение в 2013 г. в ходе Второго международного Мадыарского симпозиума. Для венгров были характерны параллели в погребальном обряде с населением Урала и Сибири. Похожие черты были обнаружены в находках караякуповской, неволинской, ломоватовской, чепецкой культур, а также в Западной Сибири. Они составляют единый этнокультурный комплекс с венграми эпохи обретения Родины. Соединял эти культуры угорский компонент. С. Боталов указывал на проникновение угров из Западной Сибири в Предуралье и их влияние на носителей ломоватовской, неволинской, чепецкой культур со стороны угорских племен Западной Сибири, в первую очередь юдинцев. Переселение протovenгерских племен в Восточную Европу ученый датирует VI в. С венграми были связаны носители кушнаренковской и караякуповской культур. Они в отличие от венгров не

* Великая Венгрия (лат.).



двинулись на запад. Венгры же были вынуждены мигрировать на запад под влиянием миграционных процессов, связанных с переселением в Центральную Азию огузов, кимаков, кыпчаков и печенегов. Ранее протовенгерские племена, включая бакальцев, составляли в Волго-Уральском регионе протовенгерскую этнокультурную общность, которая активно взаимодействовала с тюркскими народами и микшировалась с ними.

А. Белавин, В. Иванов и Н. Крыласова считают, что угорские племена оказали заметное влияние на формирование памятников ранних неволинцев и начали переселение в Волго-Уральский регион еще в IV в. Погребальный обряд неволинцев был похож на погребальный обряд венгров. Как угорская интерпретируется саргатская культура. А. Белавин предполагает, что в VII-VIII вв. на территории Прикамья и Удмуртии сложилось несколько этнокультурных общностей, где доминировали угры, и только в XI-XII вв. в этот регион пришли мигранты-коми. В IX-X вв. население ломоватовской, неволинской и полумской культур взаимодействовало с волжскими булгарами и приняло участие в их этногенезе. Угорское влияние в регионе ослабило отток на запад с венграми части карякуповцев и неволинцев.

К сторонникам угорской принадлежности неволинской, ломоватовской, полумской культур относится и Е. Казаков, который первым и поставил вопрос об уграх в Прикамье. Кроме того, с экспансией угров исследователь связывал исчезновение турбаслинских и именьковских памятников. Гибель неволинской и кушнаренокской культур он связывает с экспансией печенегов. Южные районы ломоватовской и полумской культур также подвергались нападению, и миграция угров из Прикамья в район Волжской Булгарии является следствием экспансии этих тюркских кочевников³.

Р. Голдина высказалась против отнесения носителей неволинской, полумской, ломоватовской культур к уграм и считала их финно-пермскими

народами. С. Белых считает, что как чепецко-ломоватовское, так и полумское и неволинское население было финно-пермским и принадлежало к так называемым эндопермским народам.

А. Мельничук и Н. Чагин в основном критиковали положения, которые относились к истории Великой Перми и манси, а также отнесение к уграм позднеломоватовского населения. В. Чураков считал население ломоватовской, неволинской, полумской культуры финно-пермским. С. Белых придерживался похожего мнения. А. Восторкнутов отмечал, что проблема присутствия угров на территории Пермского Приуралья часто политизировалась. Критика была безапелляционной. Еще в советское время М. Талицкий политизировал вопрос, обвинив тех, кто пытался ставить вопрос об угорском компоненте, в шовинизме.

Некоторое время вопрос угорского присутствия в Прикамье табуировался. Оживление интереса к данной проблеме произошло в 80-х гг. XX в., когда этим вопросом занялись А. Халиков, Е. Халикова и Е. Казаков. Сегодня по этой теме работают такие исследователи, как А. Белавин, В. Иванов, Н. Крыласова. Сама постановка вопроса встречает жесткую критику со стороны Р. Голдиной и И. Пастушенко⁴.

В большинстве своем дискуссии об угорском присутствии протекают среди археологов, однако стоит прислушаться и к мнению лингвистов. Так, В. Напольских указывает, на вероятность обитания венгров в Прикамье. Также он считает, что в Восточной Европе угорские топонимы возможны только в зоне расселения вогулов (манси). Говорить же о присутствии здесь селькупов и иных самодийцев, кроме территории расселения ненцев, не приходится. Продвижение самодийцев, в частности селькупов, на север вопреки построениям А. Дульзона, В. Васильева и М. Атаманова произошло сравнительно позднее и прослеживается как по археологическим материалам, так и по сведениям письменных источников. Предположе-



ние о продвижении на север саяно-алтайских самодийцев — не больше, чем фантазия. В. Напольских делает упор на то, что угры (манси) существенно не влияли на этническую историю Предуралья. Материалы археологических исследований и данные письменных источников действительно не дают оснований говорить о присутствии сибирских угров на данной территории. Однако у пермских языков и венгерского языка есть ряд общих черт. Это названия металлов, денационализация, появление звонких смычных в начале слова, выработка форм слова «быть». В. Напольских считает это результатом контактов между пермским и угорским праязыками (в личной беседе он предположил, что заимствования из финно-пермских языков в венгерский язык могли произойти или в Прикамье, или в Приуралье в районе кара-абызской и мазунинской культур). Австрийско-венгерский языковед К. Редей считал возможными связи прапермского с правенгерским. Нужно отметить, что у самих венгров сохранилась смутная память о том, что они происходили из Прикамья. В частности, Аноним в «Деяниях венгров»^{*} упоминал о Суздаде, что, конечно, является анахронизмом. Однако в арабских источниках венгров часто локализовали между булгарами, ашкелами и печенегами. Константин Багрянородный^{**} же упоминал о р. Хидмас, которую можно отождествить с Камой. Рядом с Волжской Булгарией и Владимиро-Суздальским княжеством восточных венгров локализовали венгерские доминиканские монахи Рихард и Юлиан. Язык восточных венгров охарактеризован как вполне венгерский. Е. Казаков указывает, что памятники венгров находились на Самарской Луке, а также на территории Южного Урала⁵.

Данные языковедения сами по себе дают не так много информации, хотя благодаря отдельным лингвистическим исследованиям мы можем прийти

к определенным выводам. Тюркские заимствования в венгерском языке многочисленны и разнообразны и составляют несколько групп. Так, слова тюркского происхождения использовались для обозначения частей тела, скотоводческой терминологии, обозначающей крупный рогатый скот и овцеводство, также элементы жилища, инструменты и ремесла, понятия социальной жизни, явления религиозной и духовной жизни, некоторые слова связанные с рыболовством и охотой, явлениями природы, животными и растительным миром.

А. Рона-Таш рассматривал венгерский язык как источник по филологии болгар и хазар. Тюркские заимствования в венгерском языке В. Шушарин относит к VI-VII в., когда венгры активно взаимодействовали с тюркским миром. Вероятно, движение протовенгров на запад из сибирской прародины было зафиксировано еще Приском Панийским^{***}, который упоминал загадочных урогов. П. Хайду считает, что впервые о венграх заявил именно этот грекоязычный позднеантичный автор. После этого они исчезли из поля зрения, пока Георгий Амартол^{****} впервые не зафиксировал их как народ унгри. В славянских языках же этот этноним звучал как угры. Во многом мировосприятие венгров было сформировано благодаря контактам с булгарами, и, вероятно, славяне изначально знали о тесной связи венгров с булгарами. П. Хайду считал, что болгар с венграми связывали союзнические и соседские контакты. А. Халиков указывал, что для болгар, буртасов и венгров были характерны однотипный кочевой комплект оружия и туша коня в захоронениях. Венграм была присуща лепная круглодонная и цилиндрическая посуда, лицевые покрытия из нашейников, надглазников и даже серебряных масок. К VI-VII вв. относятся заимствования из аланского языка. При этом сложно датировать

^{*} «Деяния венгров» — историческое сочинение на латыни, содержащее информацию о ранней истории венгров. Автор сочинения не известен.

^{**} Константин VII Багрянородный (905-959) — византийский император из Македонской династии.

^{***} Приск Панийский — византийский дипломат, историк и писатель V в.

^{****} Георгий Амартол — византийский летописец, монах, автор популярной в Византии и на Руси «Хроники», излагающей всемирную историю от сотворения мира до 842 г.



иранизмы венгерского языка только этим временем, потому как в XIV в. аланы из улуса Ногая транзитом через Балканы мигрировали в Венгрию. От них и произошло население Яшага. Эти аланы уже подверглись тюркизации. Аланы были соседями протовенгров до Великого переселения народов. Временем активного взаимодействия угров с иранцами венгерский исследователь А. Рона-Таш считает VIII-II в. до н. э. Выделение протовенгров он относит к VIII-V в. до н. э. К эпохе Великого переселения относится активное взаимодействие с тюрками. Большинство тюркизмов венгерского языка были заимствованы в V-VIII вв.⁶

Нам не представляется чем-то невероятным, что в составе населения Прикамья присутствовали и угорский, и финно-пермский компоненты, а население было полиэтничным. Учитывая присутствие балтославян в Среднем Поволжье, а также сарматские и булгарские элементы в именьковской культуре нам представляется возможной миграция угорского населения. А. Нигамаев отмечал, что угорское камское население смешалось с пришедшими финно-пермскими племенами. А. Иванов отмечал проникновение в район р. Чепцы угорского населения с Верхней Камы. В общем, с конца 1950-х гг. и до сегодняшнего времени археологи говорят об угорском компоненте в составе населения ломоватовской культуры.

Этот вопрос поднимали еще В. Генинг и В. Семенов. Их версию развивает Е. Казаков, который относит ломоватское население к уграм. В погребальном обряде к угорским элементам относятся помещения частей коня в засыпку могилами, сопровождение умерших мясной пищей, решетчато-шнуровая орнаментация керамики. Несмотря на то, что еще остается много вопросов, в целом можно говорить о присутствии угров в Прикамье. Вероятно, угры были связаны с древними венграми. Ошибкой было бы впадать в крайности, отрицая как пермский, так и древневенгерский компоненты. Аргументы противников угорской концепции на-

правлены на критику предположений о самодийском и сибирско-угорском (обско-угорском) компоненте. Вопрос относительно вероятности пребывания в Прикамье древних венгров рассматривается бегло. Между тем в конце IV в. сюда пришли новые группы населения, которые использовали курганный обряд захоронения. Их справедливо соотносят с саргатами, которые представляли собой угро-аланское лесостепное население, своеобразных протовенгров. В результате смешения их с местным гляденовским (прапермским) населением и образовались неволинская, ломоватская и ломоватовская культуры. С образованием Волжской Булгарии население этих культур сгоялось булгарами на тюркские территории. Аль-Гарнати* же сообщал, что булгары ведут против окружающих их немусульман священную войну⁷.

Славянские заимствования в венгерском языке относятся к более позднему времени и принадлежат группам западнославянского и южнославянского населения. В X-XV вв. венгры переняли у славян военную лексику: земледельческие и животноводческие термины, а также понятия связанные с ремеслом и судоходством. Славизмы венгерского языка также охватывали предметы быта, объекты и явления природы, социальную жизнь, некоторые прилагательные. В эпоху христианизации венгров и Венгерского королевства многочисленными были латинизмы и германизмы. Официальные документы и исторические хроники писались на латыни. Германизмы венгерского языка относились к сельскохозяйственной жизни, сфере городской жизни и ремеслам, военному делу, жизни королевского двора и магнатов. Собственно венгерский язык лишь иногда фиксировался на бумаге. Одним из первых сочинений на венгерском языке была «Надгробная речь и молитва», написанная около 1200 г.⁸

В этом свете неудивительно, что в славянских летописях этническое наименование «угры» первоначально было

* Абу Хамид аль-Гарнати (1080-1169/70), арабский путешественник.



связано с племенами протоболгар. Нестором упомянуты «белые угры», которых с большой вероятностью по лингвистическим данным можно отождествить с сарагурами. Однако вряд ли славянские хронисты знали сарагуров, да и указание на времена императора Ираклия* свидетельствует о том, что Нестор не знал точной хронологии переселения болгар. Самых же венгров Нестор знал как «черных угров». В 811 г. угры упомянуты в синаксаре (греческой духовной книге). По мнению И. Боба, эти угры были остатками авар. Также этноним угры мог распространяться и на часть дунайских болгар. Правда, эти «белые угры» упомянуты в связи с событиями VII в., когда лидирующее положение среди протоболгар занимали уже оногуры.

Тождество оногуры-угры, которое возникло на славянской почве, популярно в венгерской историографии. Впервые о тождестве этих этнонимов заявил Б. Мункачи. За ним оно было принято К. Редее и И. Боба. Однако в большинстве случаев этноним угры прилагался к венграм. Латинской формой этого наименования были «ungari» или «ungri». Славяне употребляли формы «угры» (у восточных и южных славян) или «венгры» (у поляков). Угры встречаются и в византийских хрониках. В любом случае, этот этноним использовался славянами для обозначения венгров в связи с их контактами с волжскими булгарами.

Большое количество тюркизмов в венгерском языке делает возможным предположение о том, что болгарский этноним со временем стал обозначать венгров. Конечно, это не свидетельствует о тождестве мадьяр и болгар, но является важным показателем связей венгров с тюрками. И. Вашари считает более оправданным выводить этноним «югра» из наименования кыпчакского племени йугур.

Гипотезы о связи югры и угры с оногурами и кыпчаками-йугурами вызвали возражения у В. Напольских, который указывал, что летописная югра

* Ираклий (575-641) — византийский император (610-641).

никогда не была связана со степным миром. Интересно, что Константин Багрянородный называл венгров турками. Латиноязычные источники называли их еще аvaraми или гуннами. Уже на европейской почве среди венгерских хронистов возникла идея о их происхождении от гуннов. Также для них было важным подчеркнуть идею легитимности своей власти. В «Деяниях венгров» венгерского Анонима указано, что родиной венгров была Скифия. Кроме того, использовался термин «дентумодьер» для обозначения народа, от которого происходили венгры. Аноним, конструируя прошлое, относил венгров к потомкам скифов. Венгерские хронисты Шимон Кезай и Янош Турочи считали венгров потомками гуннов⁹.

К сожалению, сведения о пермянах попали в исторические источники, когда венгры уже оставили Среднее Поволжье, печенеги и башкиры потеснили угорские племена, родственные венграм, а носители угорской речи стали ассимилироваться волжскими булгарами. Страна, населенная пермянами, получила название Вису или Ису. О ней писали Ибн Фадлан, аль-Бируни, аль-Гарнати. И. Пастушенко даже предложил считать неволинскую культуру страной Вису, однако такое прямое отождествление вряд ли возможно. По нашему мнению, более вероятно гипотеза В. Напольских, по которой страной Вису было Прикамье. В. Чураков считает, что Вису (Ису) — это Верхнее Прикамье и Чепцы, а народ ару — удмурты. Под этим этниконом, вероятно, скрывается оседлое население чепецкой и ломоватовской культур и, возможно, часть носителей неволинской культуры. Выделение некоторых финно-пермских народов в отдельные этносы фиксируется в XIII-XIV вв. на основе изучения памятников населения археологических культур. Диалекты пермян развились в отдельные финно-пермские языки. На основе родановской культуры возникли коми-пермяки, вымской — коми-зыряне, чепецкой — удмурты. До этого времени пермские народы состояли в диалект-



ном континууме и представляли собой эндопермян, расселившихся на значительной территории и входивших в состав чепецкой, родановской и вымской культур. До этого времени носители финно-пермской речи должны были находиться на территории Прикамья и прилегающих регионов.

В историографии есть несколько предположений относительно прародины и расселения эндопермян и прапермян. Ю. Вихманн указывал, что пермяне пришли с территории Нижнего Прикамья в период VIII-XI вв., аргументируя положение большим количеством булгаризмов в удмуртском языке. А. Теплоухов считал, что они жили южнее Верхней Камы, Верхней Вычегды и Чепцы в VII-VIII вв. В. Лыткин размещал их в бассейне Нижней Камы, указывая на их контакты со скифами, сарматами и булгарами. М. Талицкий считал, что в X-XIV вв. население мигрировало в район р. Вычегда. Р. Голдина полагает, что пермяне-пракоми пришли на Вычегду из Нижнего Прикамья, и что носители ломоватовской и неволинской культуры принадлежали к этому народу. По мнению В. Чуракова, гляденовская культура была эндопермской, местные племена двинулись на север, ассимилируя родственные им позднеазелинские. Пермяне, жившие в Верхнем Прикамье, дали начало родановской культуре, а мигрировавшие на Вычегду — создали вымскую культуру и были пракоми.

Прапермское единство племен, живших на компактной территории, сложилось на рубеже I-II тыс., а заимствования из булгарского возникли не ранее VIII в. Родиной прапермян было Среднее Прикамье, и лишь потом население сместилось на Нижнюю и Верхнюю Каму. В. Чураков указывает, что пермское население чепецкой культуры мигрировало на Нижнюю Каму и что вывод о переселении массы пермского населения на Вычегду может быть оспорен. Переселение происходило только в X-XIV вв. С именемковцами пермяне контактировали в V-VII вв., а с булгарами — не ранее VIII в. Предполагалась контактная зона с буртасами

в районе Нижней Камы, в результате чего для обозначения части пермян стал использоваться термин одоморт. Отмечено также переселение части чепецкого населения на Каму. С. Белых указывал, что булгаризмы присутствовали в языке и праудмуртов, и пракоми, были и заимствования из праславянского языка. Вопрос о контактах пермян с протовенграми рассмотрен бегло и недостаточно и ограничен только постулированием известных лингвистических фактов. Родиной пермян названо Пермское Прикамье. Эндопермское население обитало на Чепце, Сылве и Каме. В формировании пермян, кроме эндопермян, вероятно, приняли участие еще парапермские и прапермские группы¹⁰.

П. Хайду считает, что венгерский язык выделился из праугорского в I тыс. до н. э. При этом исследователь выделяет несколько этапов. Этап приуральской прародины с I тыс. до н. э. до V в. н. э. Эпоха миграций датирована V в. н. э. до 896 г. н. э., то есть до обретения Родины. Эпоха от обретения Родины до турецкого господства охарактеризована как древневенгерская. При этом венгерский исследователь делает существенную оговорку, по которой начало средневенгерской эпохи датируется XIV в. Язык венгров в XIII в., вероятно, был древневенгерским, похожим на язык восточных венгров и взаимопонимаем с ним. Временем же взаимодействия с языком пермян был период миграций. В археологическом отношении миграция протовенгров ознаменовалась переселением носителей саргатской культуры с юга Западной Сибири в Приуралье. Население саргатской культуры было полиэтническим и включало иранские и угрские элементы.

И. Вашари считает, что более правомерно относить венгров к отдельной группе угорских языков, а не в одну языковую группу с сибирскими уграми. Современный венгерский язык возник только в XVIII в.

И. Саму считает, что протовенгры отделились от сибирских угров в 1000-500 гг. до н. э. Отдельные венгерские



слова встречались в документах Венгерского королевства эпохи Арпадов*, а количество произведений на собственном венгерском языке был невелико.

А. Рона-Таш говорил о венгерских рунах. Собственно они были секейскими.

О. Прицак и С. Кляшторный считают секеев потомками чигилей. Д. Хвольсон считал, что этими секеями были булгары-ашкелы. Это предположение выглядит достаточно правдоподобно, если учитывать данные арабских хронистов об их соседстве с венграми. Некоторая часть ашкелов, вероятно, была уведена на запад венграми. Кроме того, находки в Венгрии, отождествляемые с памятниками неволинской и ломоватовской культур, делают возможным вхождение в состав венгров представителей разных племен. К сожалению, нам неизвестно, какое именно из семи наименований восприняли представители ломоватовской и неволинской культур, а также булгары-ашкелы.

Вопросы взаимоотношений прапермян почти не исследованы венгерскими учеными. К. Редери и А. Рона-Таш в основном изучали вопрос болгаро-пермских контактов. Также этой проблемой занимались финские ученые Ю. Вихман и А. Раун¹¹.

Вопрос о выделении протовенгров в отдельную общность приводит нас в Западную Сибирь. А. Рона-Таш критиковал предположение Д. Немета о том, что Западная Сибирь была прародиной тюрков, и гипотезу Г. Барци о ранних угорско-тюркских связях. А. Рона-Таш отмечал, что как тюркизмы были восприняты венгерские слова, которые принадлежали к исконной угорской лексике. Временем существования единой угорской общности он считал 2 тыс. до н. э. — 500 г. до н. э. Тюрко-венгерское сосуществование датировано им V-XII в. нашей эры. Совершенно непонятно, на чем основывалось мнение исследователя, когда он говорил о том, что венгры помогли хазарам победить болгар. В византийских и хазаро-ев-

рейских документах отчетливо указаны хазары и нет сведений о венграх. Кроме того, венгерские памятники в зоне расселения салтово-маяцкой культуры редки.

Концепция о пребывании венгров на Северном Кавказе совершенно не оправдана, поскольку в этом регионе они не зафиксированы армянскими, арабскими и латинскими источниками. Неясные сведения о том, что саварты-асфалы — часть венгров, недостаточны для обоснования этого утверждения, поскольку Константин Багрянородный венгров называл турками. Средневековые историки не имели инструментария современных ученых и руководствовались своими представлениями. К. Багрянородный мог относить венгров к среде, которая породила этносы печенегов и огузов, то есть к тюркским кочевым народам.

П. Хайду считал, что родина протовенгров находилась в Зауралье. В Сибири археологами были найдены посмертные маски, пластины от сумок, конская сбруя, похожая на древневенгерскую. На венгерских находках посуды были обнаружены царапины, похожие на шаманские рисунки сибирских угров. Ценную посуду венгры и сибирские угры зарывали как подарок своим языческим богам.

И. Фодор указывает, что древнейшие этапы венгерского этногенеза связаны с Сибирью. Изображение сокола на художественном металле было характерно для населения, жившего в Усть-Полуе; изображение чудесного оленя для скифов; изображение сцен охоты было найдено в Пазырыкском кургане. Вполне возможно, что начальный этап истории протовенгров характеризовался сильным взаимодействием со степью, в частности с племенами саков, сарматов и алан. Под влиянием соседей протовенгры перешли к полукочевому образу жизни. Связи венгров с сибирскими уграми не являются сильными, поскольку распад на протовенгерскую и обско-угорскую (сибирско-угорскую) общности произошел достаточно рано, и народы значительно отдалились друг от друга.

* Арпады — династия князей (с 1000 г. — королей) Венгрии, правившая с конца IX в. по 1301 г.



Общность происхождения из Западной Сибири проявляется только в части общей угорской лексики и некоторых элементов материальной культуры¹².

В. Иванов, описывая историю Приуралья, указывал, что изменения в составе его населения произошли в середине IV в. В регион расселения прапермских пьяноборской, карабызской и мазунинской культур начинают инфильтрироваться угры. В частности, их представляют памятники гафурийско-убаларского типа. В Западной Сибири это были представители кулайской общности из состава лесных племен и представители саргатской культуры из состава лесостепных племен.

Переселение гуннов на запад вызвало переселение и других народов. В Прикамье и Приуралье мигрировали носители тураевского, харинского и турбалинского типов. В отличие от прапермлян они погребали умерших под курганами. Относительно этнической принадлежности этого населения идут дискуссии. Н. Мажитов и А. Халиков отстаивали их тюркское происхождение. Р. Голдина указывала, что это мигранты из Западной Сибири, но не определяла их этническое происхождение, а Ф. Сунгатова считала их полиэтничной культурной общностью, однако предполагала, что гунны могли проникнуть в Прикамье.

Вследствие переселений народов часть прапермлян была отрезана от основного финно-пермского массива. В районе р. Белой возникла бахмутинская культура. Она продолжала традиции мазунинцев, которые являлись прапермьянами. В. Иванов отмечал, что финно-пермское население практически за одно столетие ассимилировало мигрантов.

Несколько иной была ситуация с племенами, которые, мигрируя, расселились в лесостепной части Башкортостана. Эти переселенцы в дальнейшем активно взаимодействовали с тюрками и хазарами, вследствие чего у них появились тюркские и салтовские пояса, а также характерные для салтовцев женские украшения.

Переселение правенгров на Южный Урал произошло в конце VI-VII вв. Их поселения доходили до Камы в среднем течении. Этот регион, вероятно, и был территорией контакта прапермлян и правенгров. С переселением части населения Великой Булгарии в Среднее Поволжье и оттоком болгарского населения Северного Кавказа вследствие арабского давления, соседями правенгров стали волжские болгары, оставившие после себя памятники новинковского и шиловского типов. С севера с правенграми в районе Камы граничили представители полумской и ломоватовской культуры. На западе от венгров в лесостепи жили носители юдинской и молчановской культур, а также население потчевашской культуры. Памятники караякуповской и кушнареноквской культур имеют сходство с памятниками в Венгрии эпохи обретения Родины и с культурами сибирских угров, для которых были характерны погребения с курганной насыпью. В. Иванов считал, что давление со стороны волжских болгар вынудило правенгров уйти из Прикамья. Они оставили в Поволжье танкеевский могильник, благодаря которому стало возможным изучение трансформации в погребальном обряде, в частности безкурганые погребения. На Ош-Пандо-Нерь и Шелехметьево-2 были найдены именковские, новинковские и угорские памятники, близкие археологическим культурам правенгров. Последние сменили новинковские памятники. По мнению Н. Лифанова, Самарское Поволжье было регионом активного взаимодействия этносов, в частности болгар и правенгров¹³.

В последующем В. Иванов вместе с Н. Крыласовой и А. Белавиным пересмотрел ряд высказанных тезисов. Угорское население продвинулось в Восточную Европу через реки Миасс, Сок и Белую. Другим путем в регион был Сылвенско-Чусовской коридор. Праугорское население, которое представляло саргатскую культуру, обосновалось в Кунгурской степи. Саргатцы проникли в северную часть Среднего Прикамья. Курганные погребения



концентрировались в среднем и нижнем течении Сылвы, бассейне Шаквы и Мулянки и на правом берегу Камы севернее современного города Пермь. После переселения саргатские племена вступили в конфликт с сарматскими карабызскими и финно-пермскими позднегладеновскими племенами. Однако постепенно они были вынуждены перейти к оседлости и смешаться с местным населением. В результате этого в бассейне Сылвы образовалась неволинская культура. К середине IX в. неволинцы оставили Кунгурскую степь. Их хозяйство сочетало земледелие и пастушеское скотоводство. Поселения представляли собой селища и центральное укрепленное городище.

Другой группой угорского населения были харинцы. Они прибыли в регион через Сылвенско-Чусовский коридор и, как саргатцы, представляли лесостепенное население. В. Генинг считал их тюркизованными уграми. Их поселения были на Каме и на притоках р. Косы. Харинское население проникало и в верховья Камы, на Чепцу и Вымь. Расселение харинцев привело к сложению в V-VI вв. в удмуртском Предуралье ломовской культуры, в VI-VII вв. в Пермском Предуралье — ломоватовской, в Северном Предуралье — ванвиздинской.

Еще одна группа угорского населения в конце VI в. расселилась в среднем и нижнем течении р. Белой, дав начало кушнарниковской культуре. В отличие от других групп угорского населения у кушнарниковцев не было стационарных поселений. Они перемещались долинами рек, доходили до Камы. Их памятники были найдены на территории современного Татарстана и на юге Удмуртии. Зафиксированы они были на р. Ик.

В середине VIII в. в Приуралье приходит очередная группа угорского населения — караякуповцы. Караякуповцы были близки кушнарниковцам. Они дошли до устья Камы, где оставили больше-тиганский могильник. Караякуповцы были соседями неволинцев. Общими у них были: убранство костюма, женские украшения,

наборные пояса тюркского типа, вооружение, конское снаряжение. У неволинцев и кушнарниковцев общей была геральдическая поясная гарнитура. Население Предуралья и Приуралья некоторое время было зависимым от западных тюркютов и ходило с ними в совместные походы, чем и объясняется появление этих поясов у угров. В искусстве угров появляются изображения сэнмурва* и хищной птицы, терзающей животных. Получили распространение восьмеркообразные стремени. По сравнению с пьяноборской и глядновской культурами упрощается социальная структура, и ослабляется оборонительная структура городищ, что явно свидетельствует о продвижении в Восточную Европу населения, отличавшегося от прапермян. Угорское население активно взаимодействовало с тюркским степным населением¹⁴.

У ломоватовцев и ломовцев был оседлый образ жизни, они носили наборные пояса геральдического, тюркского и венгерского типа, среди них были популярны салтовские украшения. В ломоватовской культуре получили распространение лицевые покрывала из железа. Ломоватовцы и ломовцы селились в селищах, сторожевых и центральных городищах. Местное население активно охотилось и было одним из основных поставщиков меха. Во второй трети IX в. носители неволинской, ломоватовской и ломовской культур частично переселились к волжским булгарам, что должно свидетельствовать о сложении Волжской Булгарии как государственно-подобного образования и его экспансии в Прикамье. Вероятно, правенграм пришлось испытать воздействие волжских булгар и мигрировать под их давлением. На новую родину в Паннонии они принесли с собой погребальные маски, изделия с постсасанидскими элементами, почитание шкуры лошади. По мнению А. Белавина и В. Иванова, часть караякуповцев и неволинцев могла переселиться вместе с венграми и войти в состав их племенного союза.

* Крылатый морской пёс.



Взаимодействие угров и тюрков ощущалось и в Прииртышье и Зауралье. Там с тюрками контактировали носители бакальской и потчевашской культур. Только взаимодействовали они не с булгарами, а с кыпчаками и кимаками. Не всегда это взаимодействие было мирным. Образование Кимакского каганата и миграция кыпчаков вынудили местных угров усложнить фортификационные системы и привели к подвижке населения. По мнению С. Боталова, на материалах синеглазовских курганов можно проследить этнокультурную общность мадьяр и кыпчаков. Вероятно, бакальские мадьяры были включены в состав кыпчаков. О подчинении восточных мадьяр тюркам известно благодаря сведениям этнографических исследований, а также сообщениям Рашид ад-Дина и Абул-Гази. В составе узбекских племен был род маджар, в составе казахского племени кара-кыпчак находился род мадияр, в составе ногайцев был эльмаджар¹⁵.

Венгры еще в эпоху Великого переселения народов уже достаточно отделились от сибирских угров. Состав общей лексики с манси превышал 34 %, а с хантами — 27 %. Большинство иранских заимствований в угорских языках относилось ко времени финно-

угорского и угорского единства. Среди уральских этносов у угорских народов заимствований намного меньше, чем у финно-пермских народов.

Распад саргатской культуры пришелся на эпоху переселения гуннов в Восточную Европу. Д. Габор считает ломоватовскую, кушнаренковскую и караякуповскую культуры мадьярскими и отмечает несколько волн миграции с IV по VIII в. Самыми ранними мигрантами названы ломоватовцы, которые поддерживали активные контакты с Эраншахром. Отмечена лексическая и морфологическая близость пермских языков и венгерского. Причиной переселения венгров из Прикамья было названо давление башкир¹⁶.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Угорская составляющая присутствовала в раннесредневековой истории Прикамья. Угры занимали доминирующее положение среди полиэтнического населения края, однако через несколько поколений были ассимилированы местным оседлым финно-пермским населением. Часть угорского населения Прикамья с тюрко-аскелами переселилась на Среднедунайскую низменность. Время взаимодействия венгров с финно-пермскими народами датируется VI — началом IX в.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Овчинникова Б. Б., Дьёни Г. Протовенгры на Урале в трудах российских и венгерских исследователей. — Екатеринбург, 2008. — 192 с.; Зимони И. Венгры в Волжско-Камском бассейне? // *Finno-Ugrica*. — 2000. — № 1. — С. 5-41; Пастушенко И. Ю. Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье» // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. — Ижевск, 2011. — Вып. 1. — С. 144-150; Крыласова Н. Б. Об «угорской эпохе в Прикамье» говорить нужно // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. — Ижевск, 2012. — Вып. 1. — С. 168-175.
2. Зимони И. Указ. соч. — С. 5-41; Пастушенко И. Ю. Возможно ли говорить... — С. 144-150; Крыласова Н. Б. Указ. соч. — С. 168-175.
3. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. — Уфа, 2009. — 275 с., 79 илл.; они же. Археологическое содержание и основные этапы формирования угорской ойкумены в Предуралье // II-й Международный Мадьярский симпозиум: Сб. науч. трудов. — Челябинск, 2013. — С. 167-172; Боталов С. Г. Проблема уральской Правенгрии в свете новых открытий на погребальном комплексе Уелги // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. — 2013. — Т. 13. — № 1. — С. 16-19.
4. Иванов В. А. Урало-сибирские истоки погребального обряда венгров периода «Обретения Родины» // II-й Международный Мадьярский симпозиум: Сб. науч. трудов. — Челябинск, 2013. — С. 75-84; Голдина Р. Д. Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II-й Международный Мадьярский симпозиум: Сб. науч. трудов. — Челябинск, 2013. — С. 89-110; Боталов С. Г. Указ. соч. — С. 137-166; Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Археологическое содержание и основные... — С. 67-



- 173; Казаков Е. П. Мадьяры и волжские булгары: этапы взаимодействия // II-й Международный Мадьярский симпозиум: Сб. науч. трудов. – Челябинск, 2013. – С. 173-181; Белых С. К., Макаров Л. Д. Население Камско-Вятского края в болгарское время. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://udmurt.info/pdf/library/belykh/belykh-makarov-nasel-kamsk-vyatsk-kr-v-bulg-vremya.pdf>; Мельничук А. Ф., Чагин Г. Н. Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 2 (14). – С. 140-153; Чураков В. С. К проблеме расселения пермских народов в конце I — первой половине II тыс. н. э. // Иднакар. – 2008. – № 1 (3). – С. 11-12; Белых С. К. История народов Волго-Уральского региона. – Ижевск, 2006. – С. 34; Вострокнутов А. В. Угорский вопрос в современной предуральской археологии и проблемы картографирования // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2014. – № 9. – С. 94-99.
5. Напольских В. «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: заблуждения и реальность // Древнетюркский мир: история и традиции. – Казань, 2002. – С. 85-102; он же. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. – Екатеринбург-Сургут, 2007. – С. 41-43; Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. – М.-Л., 1940. – Т. 3. – С. 77-91; Vasary, I. The Hungarians or Možars and the Meščers/Mišers of the Middle Volga Region // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – Lisse, 1976. – Vol. 1. – P. 237-275; Извлечение из книги Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн Даста. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text4.htm; Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_dop_mus_pis/text.htm; Багрянородный К. Об управлении империей / Под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М., 1991. – С. 160-163.
6. Рона-Таш А. Хазары и мадьяры // Хазары, евреи и славяне. – М.-Иерусалим, 2005. – Т. 16. – С. 111-124; Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. – М., 1997. – С. 207-215; Хайду П. Уральские языки и народы. – М., 1985. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.libed.ru/knigi-nauka/808394-1-izdatelstvo-progress-hajdu-peter-urali-nyelvek-nepek-peter-hajdu-uralskie-yaziki-narodi-perevod-vengerskog.php>; Rona-Tas, A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. – Budapest, 1999. – P. 200-203, 215-227, 318-320; Халиков А. Х. Венгры, болгары и буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://secrethistory.su/183-vengry-bolgary-i-burtasy-v-srednem-povolzhe-i-priurale.html>.
7. Нигамаев А. З. Население Восточного Предкамья в домонгольскую эпоху (к вопросу о времени проникновения постмоноватовского населения) // Научный Татарстан. – 2009. – № 2. – С. 49-63; Белых С. К. К вопросу о локализации прародины пермян. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://udmurt.info/pdf/library/belykh/belykh-k-v-o-lokaliz-prarodiny-permyan.pdf>; Абу Хамид ал-Гарнати. Ясное изложение некоторых чудес магриб. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frame.txt1.htm>; он же. Подарок умам и выборки дикувинок. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frame.txt2.htm>; он же. Сочинения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameposl.htm>; Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V — первая половина XIII в.). – Ижевск, 1997. – С. 34-37, 85-93.
8. Шушарин В. П. Указ. соч. – С. 229-271.
9. Rady, M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Béla: A Translation. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>; Шушарин В. П. Указ. соч. – С. 354-359; Напольских В. В. Йогра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. – 2005. – № 3. – С. 241-244; Средневековые исторические источники востока и запада. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text38.phtml?id=6397; Vasary, I. The Yugria Problem // Chuvash Studies. – Budapest, 1982. – P. 254-257; Boba, I. Nomads. Northmen and Slavs. – The Hague-Wiesbaden, 1967. – P. 74-80; Ибн-Фадлан. «Записка» о путешествии на Волгу. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fadlan.htm>; Абу Хамид ал-Гарнати. Ясное изложение некоторых... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frame.txt1.htm>; он же. Подарок умам и... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frame.txt2.htm>; он же. Сочинения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameposl.htm>; Беговатов Е. Абу Райхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису и йура // Finno-Ugrica. – 2000. – № 1 (3). – С. 28-36.
10. Чураков В. С. Указ. соч. – С. 4-20; Пастушенко И. Ю. Еще раз о локализации Вису // Finno-Ugrica. – 2002. – № 1. – С. 56-64; Напольских В. В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.udmurt.info>.



info/pdf/library/napolskikh/napolsk-bulgarskaya-epokha.pdf; Белых С. К. Проблема расклада прапермской этноязыковой общности. – Ижевск, 2009. – С. 48-76; Беговатов Е. Указ. соч. – С. 28-36; Абу Хамид ал-Гарнати. Ясное изложение некоторых... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frame1.htm>; он же. Подарок умам и... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frame2.htm>; он же. Сочинения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameposl.htm>; Ибн-Фадлан. «Записка» о путешествии... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fadlan.htm>.

11. Хайду П. Указ. соч.; Vasary, I. The Hungarians or Možars... – P. 237-275; Vasary, I. The Yugria Problem... – P. 247-257; Szathmari, I. La langue de hongroise // The Uralic Languages: description, history and foreign influences. – Leiden, New York, Kobenhavn, Koln, 1988. – P. 197-198; Samu, I. Geschichte der Ungarischen Sprache // The Uralic Languages: description, history and foreign influences. – Leiden, New York, Kobenhavn, Koln, 1988. – P. 413-414, 419; Могильников В. А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа, 1988. – С. 20-30; Извлечение из книги... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text4.htm; Гаркави А. Я. Указ. соч.; Rona-Tas, A. Hungarians and Europe... – P. 437-446; Белых С. К. Проблема распада прапермской... – С. 37-39, 49-51.

12. Рона-Таш А. От Урала до Карпатского бассейна // Алтаистика и тюркология. – 2011. – № 4. – С. 131-139; Rona-Tas, A. Hungarians and Europe... – P. 315-325; Хайду П. Указ. соч.; Фодор И. Западносибирская археология в трудах венгерских исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 305-309. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zapadnosibirskaya-arheologiya-v-trudah-vengerskih-issledovateley>.

13. Иванов В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа, 1999. – С. 18-80; Лифанов Н. А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001-2002 гг. // Краеведческие записки. – Самара, 2005. – Вып. 12. – С. 65-74; Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // Советская археология. – 1964. – № 2. – С. 158-178.

14. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности... – С. 81-85. 15. Там же. – С. 85-89; Боталов С., Костюков В. Кыпчакские погребения XI-XII вв. в Южном Зауралье // Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара, 1993. – С. 42-44; Маслюженко Д. Н. Этническая история лесостепного Притоболья в средние века. – Курган, 2008. – С. 61-69; он же. Бакальская культура и миграционные процессы в лесостепном Притоболье в период раннего средневековья // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры (г. Шадринск, 5-6 ноября 2007 г.). – Челябинск-Шадринск, 2008. – С. 24-29, 32, 35-36; Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. К проблеме тюркизации населения бакальской культуры в историческом контексте // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т. М. Потемкиной. – Курган, 2007. – С. 169-172; Кушкумбаев А. К. Мадьяры, тюрки, кыпчаки: исторические связи сквозь тысячелетие // Иран-наме. – 2011. – № 3 (19). – С. 55, 60, 62, 65-66, 70-71, 77.

16. Габур Д. Древняя история мадьяр в зеркале истории Евразии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://enu.kz/repository/repository2013/DREVNIATA-ISTORIA-MAD'IAR.pdf>; Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности... – С. 85-89; Боталов С., Костюков В. Указ. соч. – С. 42-44; Маслюженко Д. Н. Этническая история лесостепного... – С. 61-69; он же. Бакальская культура и... – С. 24-29, 32, 35-36; Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Указ. соч. – С. 169-172; Кушкумбаев А. К. Указ. соч. – С. 55, 60, 62, 65-66, 70-71, 77.

Ярослав Пилипчук,
кандидат исторических наук

